

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Изъ его дневника юношескихъ лѣтъ.

Императорская Академія Наукъ выпустила въ свѣтъ первый томъ бумагъ Н. И. Тургенева (1789—1872), содержащій въ себѣ любопытныя черты, какъ для его жизнеописанія, такъ и вообще для исторіи Русскаго просвѣщенія. Николай Ивановичъ былъ предпоследнимъ изъ четырехъ Тургеновыхъ, сыновей Ивана Петровича († 28 Ф. 1807) который потерпѣлъ ссылку за свое сотрудничество Мартинисту Новикову, и Екатерины Семеновны (рожд. Качаловой † около 1822 г.), женщины властной, скопидомливой и строгой. Знали мы нѣкоего Адриана Федоровича Гомзякова, товарища братьевъ Тургеновыхъ по Университетскому пансіону. Онъ вспоминалъ, какъ въ Университетской церкви дирала она уши сыновьямъ своимъ, если они молились небрежно. Выросли люди что называется вышкоченные, душесильные. Изъ нихъ старшій Андрей (1781—1803) закадышній другъ Жуковскаго, рано умеръ, едва успѣвъ проявить въ словесности и на службѣ свои необыкновенныя способности. Второй Александръ (1784—1845), другъ челоѣчества, сотрудникъ Гааза, сдѣлался извѣстенъ повсюду. Разъ Соболевскій на своемъ письмѣ къ нему за границу написать: Тургенову, Богъ знаетъ гдѣ, и письмо дошло. Намъ кажется, что въ Николаѣ Ивановичѣ выразились свойства его родителей. Преданіе увѣряетъ, что самый даровитый изъ братьевъ былъ младшій, Сергѣй (1792—1827). Онъ служилъ съ отличіемъ въ Константинополѣ при баронѣ Г. А. Строгановѣ, но въ 1826 году такъ поразило его Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи, обвинившее Николая Ивановича въ преступныхъ замыслахъ, что онъ повредился въ умѣ. Уходъ за нимъ Жуковскаго и графини Генріеты Разумовской явствуетъ изъ ихъ переписки, въ 1-й книгѣ сборника „Девятнадцатый Вѣкъ“.

Кто бы могъ подумать, что сотрудникъ желѣзнаго Штейна, сочинитель книги „Теорія налоговъ“, десятки лѣтъ обдумывавшій, какъ раскрѣпить помѣщичьихъ крестьянъ, увлекался въ молодости стихотворствомъ. Знатная часть вышедшей теперь книги наполнена его стихами, изъ которыхъ почти всѣ, ей, ей, не хуже того, что появляется теперь (не говоря уже о пакостникахъ печати). Вотъ напримѣръ:

Ванька, ты ли не доволенъ
 Щастьемъ жизни твоея?
 Полно, полно, будь спокоенъ,
 Есть нещастнѣе тебя.
 Какъ тебѣ за то сердиться.
 Что удачи нѣтъ въ любви?
 Надо съ рокомъ помириться,
 Будь спокоенъ и терпи.
 Коль одна тебѣ сказала,
 Что не можешь жить съ тобой,
 Въ поцѣлуѣ отказала:
 Можно сердце дать другой.
 Можно въ Катеньку влюбиться,
 Коли Маша не мила,
 Потому Лизанькой плѣниться:
 Въ мѣрѣ семъ все суета.
 Какъ не глупо сокрушаться
 Отъ измѣны дорогой?
 Глупо, глупо такъ прельщаться
 И—жить въ свѣтѣ для одной.

Каминь.

Во время скучное печали и нещастья.
 Когда все пасмурно и на дворѣ ненастье;
 Когда мой чижичекъ, повѣсивъ носъ, сидитъ,
 И все вокругъ меня, все Сентяремъ глядитъ;
 Когда, набравши дровъ, каминь свой затоплю
 И синій огонекъ мѣхами раздуваю:—
 Тогда съ уныніемъ сажусь противъ него,
 Забывши цѣлый свѣтъ и друга своего,
 Бесѣдую одинъ съ моимъ воображеньемъ.
 И, видя ходъ вещей, и времени стремленье,
 Нещастье всѣхъ людей, ничтожность жизни ихъ,
 Которая кратка, какъ самый скорый мигъ,—
 Теряюсь въ мысляхъ весь, себя самъ забываю.
 Но вдругъ смущенный взоръ въ каминь я обращаю
 И вижу—угольки потухли уже тамъ.
 Вотъ участь всѣхъ людей, награда суетамъ:
 Жаръ въ углѣ пропадаетъ, и уголь потухаетъ;
 Такъ, послѣ славы всей,—и смертный умираетъ.

20 Января. (1807) На сихъ дняхъ г. Милоновъ давалъ намъ *пирушку*
 (технической терминъ членовъ собранія) по случаю принятія его въ

сочлены нашего истинно-полезнаго собранія. Тутъ я повеселился. Потомъ сказали, что Соковнинъ, Антонскій, Милоновъ и азъ грѣшный пьяны (слово жестокое). Я не смотрѣлъ на это. На другой день въ Субботу пріѣзжаю въ пансіонъ, меня требуютъ къ А. М. Смирнову, за тѣмъ—чтобъ шель къ Антону съ цифрою 3 (помноженному на три). Мнѣ показалось низкимъ идти къ симъ господамъ, и я почелъ за нужное ѣхать домой¹⁾. Теперь Воскресенье, и завтра не намѣренъ ѣхать въ пансіонъ: послѣ завтра присягать въ чинѣ переводчика, а тамъ можетъ быть въ Пятницу ѣхать въ Петербургъ²⁾. И *ergo* намѣреніе побранить меня А. А. А. пресѣчется.—Лѣтъ за тридцать передъ симъ горѣли въ Москвѣ Дмитровка и Тверская. Вотъ что странно: у обѣдни на Тверской приходитъ человекъ въ коришневомъ кафтанѣ, съ сѣдой бородой, подаетъ попу *памятцо*; попъ, желая послѣ молиться объ усопшихъ, находитъ тамъ извѣщеніе, что эти улицы будутъ горѣть, и Тверская совсѣмъ выгоритъ, что точно и исполнилось. Пошъ прочелъ это всему народу; искали человека вездѣ, но тщетно. Это сказывала *Аграфена Минавна*. Въ ея время это случилось.

*

Въ самомъ грустномъ расположеніи, въ которомъ цвѣты разума и воображенія не веселятъ насъ, человекъ можетъ еще съ какимъ-то меланхолическимъ удовольствіемъ заниматься Исторією: тамъ все говорить о томъ, что было и чего уже нѣтъ!... Такъ пишетъ Карамзинъ, говоря очень съ выгодной стороны о Борисѣ Годуновѣ.

*

На сихъ дняхъ обѣдалъ у дядюшки Петра Ивановича Путятина сенаторъ и кавалеръ Николай Андреевичъ Беклешовъ. Дядюшка спрашиваетъ его о дѣлѣ, которое въ Сенатѣ. Сенаторъ говоритъ: не знаю. Оберъ-прокуроръ Титовъ говоритъ его превосходительству и дядюшкѣ, что оно уже послано изъ Сената. Сенаторъ говоритъ: *а, такъ это безъ меня!* Титовъ подходитъ послѣ къ Алексѣю Николаевичу Сухотину и говоритъ: „экой сенаторъ, самъ подписалъ дѣло, а говоритъ, что оно кончено и послано безъ него“, т. е. онъ подписалъ, не зная самъ что. Это нѣсколько забавно, но не рѣдко.

*

2-ю Мая. Мысли на балконъ (на Фурштадской улицѣ, въ домѣ поганой Корфши, гдѣ мы³⁾ нанимали противъ кирки).

¹⁾ Князь Вяземскій называлъ директора Университетскаго благороднаго пансіона „Трикатный Антонъ и на закусу Пропоповичъ“. П. Б.

²⁾ Въ Петербургѣ въ это время находился отецъ Тургенева, вскорѣ тамъ умершій. П. Б.

³⁾ Т. е. семья Тургеневыхъ; пріѣзжавшая на похороны Ивана Петровича (схороненнаго въ Невской Лаврѣ). П. Б.

Закуривши трубку, сажусь я на балконъ. Первой предметъ, которой представляется глазамъ моимъ, есть *Садъ Таврическій*. Взоръ останавливается, и воображеніе дѣйствуетъ. Я представляю себѣ, отъ чего садъ сей называется *Таврическимъ*. Потемкинъ! Ты, думаю, былъ причиною сего имени; ты назывался *Таврическимъ*. Отъ сада перехожу къ сему вельможѣ, бывшему предметомъ почтенія, уваженія и (даже) разговоровъ всей Россіи. Тутъ приходитъ мнѣ на мысль *Сонъ Радичеви*, когда онъ ѣхалъ въ Москву (*Бѣда въ Москву*). Сей вельможа изъ ничего [достигъ] высочайшей степени величія, до которой можетъ достигнуть Россіянинъ. Но наконецъ забылся, возмечталъ о себѣ слишкомъ много и пожелалъ имѣть болѣе, быть еще славнѣе,—пожелалъ и потерялъ все, совершенно все. Вотъ участь человѣка: *блеснетъ и потухнетъ на вѣки*.—Тутъ бросаю взоръ въ другую сторону и вижу *Реформитскую церковь*. Вотъ, говорю я самъ себѣ, вотъ какъ люди удалены отъ натурального существованія. Вотъ церкви, различныя вѣры, различныя мнѣнія, но *все вѣрятъ въ Единого Бога*. Кажется, сего довольно, мысли всѣхъ одинаковы въ существованіи Творца.

5 Июня. Однажды сижу я задумавшись въ кофейномъ домѣ; вдругъ одинъ молодой человѣкъ, которой все вертѣлся, пѣлъ и свисталъ, подошелъ къ столу, подлѣ меня стоявшему и, увидѣвъ на немъ лежащую табакерку, обернулся ко мнѣ и сказалъ голосомъ самымъ нѣжнымъ: „Смѣю спросить, чья это табакерка?“ Я отвѣчалъ, что моя; онъ *вторилъ*: „Извините мою смѣлость“. Потомъ, отпустивъ мнѣ еще съ полдюжины учтивостей такого рода, сказалъ, нѣсколько подумавши: „*Ландшафтъ на вашей табакеркѣ превосходенъ*“. Я сказалъ *оа*.—Онъ: Вѣрно она изъ Парижа? *И*: Нѣтъ. Онъ: Изъ Лондона? *И*: Еще того менѣе. Онъ: Да скажите, сдѣлайте одолженіе. Правда, что изъ Лондона рѣдко выходитъ что-нибудь превосходное; но естли она не изъ Парижа, то я не понимаю, откуда она вывезена. Кто, кромѣ Француза, въ состояніи сдѣлать такую прекрасную вещь?—*И*: Русской. *О*: Помилуйте, вы шутите, что ни сдѣлаетъ Русской, то все это пахнетъ Русскимъ. *И*: Вы не ошибаетесь.—*О*.; Впрочемъ я люблю моихъ компатріотовъ. При всемъ ихъ невежествѣ и дикости, они добры, что называется по фр[анцузски] *bon homme*. И этого-то нельзя сказать по-русски. *И*: (къ служителю) Подай мнѣ стаканъ воды. Погода пасмурна, мнѣ хочется спать. *Служ*. Нѣтъ, сударь, погода прекрасная (что въ самомъ дѣлѣ правда, но я чуть-чуть было не заснулъ отъ лепетанья сего повѣсы). Сей молодой человѣкъ, будучи человѣкъ свѣтской, слѣдовательно и проницательный, примѣтилъ, что я въ одну минуту сказалъ служителю болѣе, нежели ему въ тридцать или сорокъ, повернулся и отошелъ къ зеркалу, оправилъ жабо, вытянулъ манишку,

взбилъ хохолъ и такимъ образомъ по окончаніи своего туалета, обернулся назадъ, забилъ одну руку въ (нижнее платье) штаны, а другой рукавомъ начался чистить ихъ (штаны) и въ такой позиціи, нагнувъ шею, какъ бодрая лошадь, стуча каблуками, подошелъ ко мнѣ и вдругъ, вытянувши шею и вздернувъ и опустивъ носъ, зѣвнувъ, сказалъ: *A diable!* и пропѣлъ мнѣ: однимъ словомъ ваша табакерка восхитительна. Но, сказалъ онъ, подумавъ немного: вы, я думаю, знаете, что нынче почитается *du bon ton*—имѣть фаворитную націю. любить жителей ея болѣе прочихъ и стараться подражать имъ во всякой бездѣлицѣ. *Я.*: Нѣтъ не знаю. *О.*: Вы шутите, но шутки на сторону; вы по вашему задумчивому виду похожи на Англичанина, и вѣрно вы это имитуете. Признайтесь: вѣрно Англія ваша фаворитная нація?—*Я.*: Все это для меня не понятно, и не знаю, въ чемъ признаваться. *О.*: То есть, сказать вамъ однимъ словомъ: вы болѣе всего любите Англичанъ. *Я.*: Нѣтъ. *О.*: Ну такъ Французовъ? *Я.*: Нѣтъ. *О.*: Этому я вѣрю, ну такъ неужели Нѣмцовъ? *Я.*: Нѣтъ. *О.*: Да кого же? *Я.*: Я люблю людей честныхъ. *О.*: О, этотъ отвѣтъ много значить. Неужели можно любить Нѣмца, хотя бы онъ былъ разчестенъ. Вообще Нѣмцы всѣ такъ неловки, говорятъ все *des platitudes* и думаютъ, что говорятъ *bon mot*. Отъ нихъ вѣчно воняетъ табакомъ. Да нѣтъ, Нѣмцы совсѣмъ не привлекательны. Ну, и такъ вы естимуете честныхъ людей; это справедливо по вашему? *Я.*: Да. *О.*: Да скажите же, какая у васъ вообще фаворитная нація, какой народъ вы болѣе прочихъ любите и имитуете. т. е. подражаете? *Я.*: Вообще люблю болѣе Русскихъ, только не болтуновъ, обезьянничать никому не хочу, а научаться хорошему и полезному стараюсь у всякаго. Довольно ли? *О.*: Какъ, Русскихъ? *bravo!* вотъ забавно—любить Русскихъ, этихъ бородачей, этихъ невѣждъ, варваровъ. *Я.*: Ежели ты, повѣса, осмѣлишься еще розинуть ротъ для хулы Русскихъ, которымъ ты быть не достоинъ и чѣмъ я горжусь, то берегись; вызвать тебя на поединкъ будетъ для тебя много, и ты этого не стоишь, но вотъ взгляни на мою палку и знай, что она заставитъ тебя молчать, ежели слова мои на тебя не подѣйствуютъ.

Молодой повѣса вздумалъ было горячиться, вызывать меня на дуэль, но узнавъ, что противъ его шпаги я хотѣлъ драться палкою, которою на него погрозился, отвернулся отъ меня, засвисталъ и пошелъ вонъ.

Дни черезъ два увидѣлъ я въ томъ же кофейномъ домѣ одного моего пріятеля; подлѣ него сидѣлъ одинъ молодой человекъ, имѣющій отъ природы прекрасныя дарованія и обогатившій умъ свой большими свѣдѣніями. Мой пріятель говорилъ ему о философіи и старался направить его неопытный умъ на путь истины и философіи.

10 Юня. Я разсказаль моему пріятелю о семъ шалунѣ, и онъ мнѣ сказаль, что этотъ повѣса живеть у какой-то графини или княгини, ѣздитъ во Французскія лавки покупать *bonnets, ridicules* и разныя тому подобныя глупыя мелочи, привезенныя изъ Парижа; что иногда дѣти сей гр. или кн. дають ему щелчки въ носъ, какъ сказано въ Евгениѣ Лукичѣ Развратинѣ, деруть (оттягивають) уши, и безъ того длинныя. Знакомый моего пріятели, услышавши нашъ разговоръ, сказаль, что онъ въ тотъ день былъ у сей Графини или Княгини и самъ слышаль, какъ этотъ шутъ разсказываль о семъ происшествіи съ большимъ жаромъ и въ заключеніе сказаль, что онъ меня вызываль на дуэль. и что я струсилъ. Я спросилъ у сего знакомаго, кто такой этотъ шутъ? Онъ сказаль, что это Полякъ, перекрестившійся въ Греко-Россійскую вѣру. Я сказаль ему: я уже его знаю, но естли бы и не зналъ, то не очень бы хорошихъ былъ о немъ мыслей, узнавъ, что онъ Полякъ да еще въ добавокъ—и перекрестившійся!

10 Юня. Дня съ три тому назадъ, какъ шелъ сильный дождигъ и какъ я сидѣлъ подъ открытымъ окошкомъ и писалъ предыдущій вздоръ. И читать-то этого никогда не стану; выдраль бы (нѣтъ, не выдраль бы) вонъ сей листъ, да нѣтъ, на что же? Третьяго дня я купался ввечеру подъ колодцемъ; вода прехолодная. Ѳедька тоже купался, но очень много и отъ того, кажется, на другой день занемогъ.—Вчера послала меня матушка къ родимой моей тетушкѣ, которая всегда говоритъ, что меня любить и сдѣлаеть наслѣдникомъ послѣ своей дочки (какъ будто бы мнѣ ея наслѣдство и любовь нужны; чтò наслѣдство, чтò любовь ея для меня совершенно одно: я всѣмъ равно пренебрегаю). Любовь человѣка, котораго я самъ люблю и почитаю или просто люблю, который мнѣ по сердцу, любовь, говорю, такова человѣка гораздо для меня лестнѣе и пріятнѣе наслѣдства его или какого-нибудь другого.

Хотѣлось бы побывать въ арміи, подраться, только чтобъ не тяжело ранили. А впрочемъ естли убьють, то будетъ и безъ меня довольно на землѣ дураковъ.

26 Юня 807. Нынче Середа. Третьяго дня, въ Понедѣльникъ, было гулянье на Трехъ Горахъ и на Прѣсенскихъ Прудахъ. Я отъ скуки поѣхаль. Прежде всего заѣхаль я на травлю медвѣжью, въ первый разъ отъ роду. Вхожу, заплативши 25 копѣекъ (за что же? за то, чтобъ посмотрѣть на несчастныхъ животныхъ и удивляться варварству людей; и потому этихъ 25-ти копѣекъ мнѣ было жаль, ибо зрѣлище сіе мнѣ ничего болѣе не показало, какъ новый опытъ подобія человѣка лютымъ звѣрямъ), и первый предметъ, представляющійся моимъ глазамъ, былъ—несчастная медвѣдица, привязанная къ кольцу

въ землѣ, безъ ушей и безъ губы, которыя оторвали собаки. Я спрашиваю у стоящаго подлѣ меня извозчика, что это за медвѣдь, и онъ мнѣ отвѣчалъ: „*Это, баринъ, Матка Воробьевская*“. (Марія Египетская, естлибъ ты знала, какъ святое имя твое употребляется во зло!). Вдругъ привели двухъ страшныхъ собакъ и какъ скоро ихъ спустили, то онѣ бросились въ уши медвѣдю, которой началъ защищаться, но псарники (люди, которые врядъ ли не свирѣѣе еще сего медвѣдя) оттащили собакъ посредствомъ рычаговъ. Собакъ отвели. У медвѣдя текла кровь изъ ушей и рта. Медвѣдя увели. Вдругъ партеръ (точно партеръ, потому что зрители стояли на землѣ) взбунтовался. *А! Еюрку, Еюрку!* кричали всѣ мужики. Я опять спросилъ у своего сосѣда, что это за *Еюрка*? Онъ отвѣчалъ: „*Это, баринъ, маткой медвѣдь, одинъ всѣхъ собакъ переломаетъ. Ужъ льтъ съ 6 ея травятъ*“. Вдругъ трое псарниковъ тащатъ на арканѣ упомянутаго *Еюра*. О, о! Вотъ тутъ-то будетъ потѣха! говорилъ (или все равно кричалъ) партеръ. Но и Егора собакъ съ шесть или семь, очень страшныхъ, отдѣлали такъ же, какъ и Марью. Партеръ аплодировалъ ха, ха, ха и Русскими бон-мо (т. е. именемъ матери съ прилагательнымъ). Потомъ привели другую Машку Серебрянскую, по словамъ моего сосѣда, очень въ этомъ свѣдущаго. Это былъ самый лютѣйшій изъ медвѣдцевъ, сломалъ подъ себя двухъ собакъ. Одинъ изъ псарниковъ сказалъ мнѣ, что онъ живетъ у хозяина за 50 р¹[ублей] въ годъ за то, чтобъ въ будни кормить несчастныхъ животныхъ, и въ Воскресенье и другіе праздничные дни увеселять ими почтеннѣйшую публику, и прибавилъ, что сія Машка была *самый лютѣйшій зверь*. Въ продолженіе всей травли народъ, между коимъ и мой сосѣдъ, восхищались, и сосѣдъ мой рассказывалъ мнѣ все съ охотою и (жаромъ) антузіасмомъ. (Я вздохнулъ и пожалѣлъ!). Послѣ сего 10 человекъ привели еще двухъ медвѣдей и пустили ихъ другъ на друга. Они боролись. По окончаніи сего одинъ изъ псарниковъ закричалъ: *Иванъ Сидорычъ!* Я спросилъ у свѣдущаго моего сосѣда, не еще ли приведутъ медвѣдя, котораго зовутъ Иваномъ Сидорычемъ. Нѣтъ, сказалъ онъ, усмѣхнувшись: какой медвѣдь! Это самъ хозяинъ. (Я подумалъ, что сей хозяинъ малымъ чѣмъ отличается отъ Егорки или Машки).—Потомъ поѣхалъ на Три Горы и думалъ: должно ли запретить сіи варварскія забавы; думалъ и заключилъ, что не должно; ибо это составляетъ важное увеселеніе для простаго народа, который долженъ имѣть свои забавы, увеселенія.

Потомъ пріѣхалъ на Прѣсенскіе Пруды, народу было тьма. Берега отъ прудовъ превысокіе и всѣ были усыяны, нѣтъ: *улылены* зрителями. Пріятная пестрота. Эта картина болѣе всего мнѣ понравилась, болѣе самаго фейерверка, очень хорошаго.

*

28 *Юня*. Вчера былъ я въ Архивѣ*) и занимался перетаскиваніемъ столбцевъ изъ шкаповъ въ сундуки. Какой вздоръ! Чѣмъ занимаются въ Архивѣ; и еще Каменскій сердится, зачѣмъ рѣдко ѣздятъ. (Я переводчикъ, значить или.... Тамъ есть переводчики, которые не переводятъ, а переносятъ старые столбцы (Полинъка глупинькой Горчаковъ возилъ столбцы на рогожкѣ!); слѣд. изъ переводчиковъ дѣлаются переносчиками и перевощиками.

*

10 *Юля*. 7-го числа былъ празднованъ здѣсь миръ. Весь городъ былъ иллюминированъ. Вчера же было гулянье на Тверскомъ бульварѣ, и горѣлъ тотъ же щитъ. что противъ дому генер.-губ. Тутолмина; потомъ еще были нѣсколько подобно пирамидамъ иллюминацій и плясали Цыганки и самъ славный Ванька Цыганъ тоже плясалъ. Есть Цыганки очень изрядныя лицомъ и фигуурою, очень, очень изрядныя, но только, я думаю, ввечеру, а на завтра, когда онѣ смоютъ бѣлила и румяна, будутъ очень, очень посредственны и даже не совсѣмъ пріятны, чему я видѣлъ примѣръ въ Липецкѣ. Народу было тьма, а особливо около картины. Вдругъ полицейскій говорить: *прошу распространиться*. — *Что такое?* Вдругъ видѣтъ Тутолминъ со всей своей свитой; какое глупое важничество (если можно такъ сказать)! Наверху картины видны были стихи Мерзлякова, не слишкомъ хорошіе; да правда, и поэту не легко написать на заказъ четыре стиха, сильныхъ и выразительныхъ.

Каковъ-то будетъ миръ, не извѣстно, проченъ ли? Но вообще думаютъ, что онъ не можетъ быть продолжителенъ, или проченъ, или выгоденъ для насъ: и миру сему, кажется, не такъ радуются, какъ бы надобно радоваться *миру* въ пространномъ смыслѣ сего слова. При словѣ *Миръ* что воображаетъ каждый? Отдыхающихъ челоуѣковъ: водворяющееся спокойствіе, торговля, науки, искусства, художества, все оживаетъ, все пріемлетъ видъ новый, радостный. *Миръ* можно сравнить въ семь случаевъ съ животворною *Весною*. По наступленіи весны вся природа обновляется.

На бульварѣ же видѣлъ я еще старшаго Родіона Быкова, который учился въ Пансіонѣ. Онъ ходитъ съ подвязаной рукой, какъ раненый на сраженіи, откуда пріѣхалъ: служить въ гвардіи; собой очень не дурень.

*) Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ Н. И. Тургеневъ состоялъ на службѣ. П. Б.

11 *Юля*. Вчера былъ я въ благородномъ собраніи, куда могъ идти всякій, дворянинъ. Было очень много купцовъ, даже были въ Русскомъ платьѣ. Фед. Михайл. Золотаревъ, купецъ знакомый, былъ и звалъ меня къ себѣ въ лавку. Но это ничего, что были купцы; много было и хуже ихъ дворянъ, на примѣръ Университетскіе студенты, профессорскія дѣти, сами профессеры, канцелярскіе служители: всѣхъ сихъ скотовъ я не промѣнялъ бы ни на одного порядочнаго купца. Потомъ былъ ужинъ. Я ужиналъ. Говорятъ, было 400 кувертовъ. Я поѣлъ изрядно; была давана водка и красное вино. Еще пили тамъ лимонадъ: но я не пилъ, потому что не съ кѣмъ было. То-то кабы былъ Сергѣй Карповъ, Иванъ Базилевскій, старинные пріятели: мы болѣе порадовались бы за ужиномъ *миру*. Нѣтъ ни одного человѣка, съ кѣмъ бы я могъ совершенно вольно обращаться, такъ, какъ съ ними. Было множество посѣтителей. Все не то, естли не съ кѣмъ раздѣлять удовольствія. И удовольствіе тогда только можетъ назваться удовольствіемъ, когда оно раздѣляется съ подобными себѣ. Это извѣстно и доказано. Я, помнится, читалъ и въ *Pucelle* эту же аксіому, но только въ другомъ смыслѣ.

14 *Юля*. Третьяго дня былъ я на Прѣсенскихъ Прудахъ: все еще по случаю мира веселятся. Народу было множество. Часу въ 11-мъ была такая тѣснота, что съ очень большимъ трудомъ можно было продраться сквозь народъ для выходу и то тѣмъ, кто привыкъ толкаться или кто смотреть на это съ равнодушіемъ такъ, какъ я. Мнѣ все бы равно хоть еще раза два пройти. Тамъ видѣлъ я Лаптева, который пріѣхалъ изъ арміи: на немъ Прусская лента котораго-то Орла, бѣлая въ серединѣ, а по краямъ желтая. На него смотрѣли; иные говорили, что это Польская, и даже спорили. Да и часто такъ бываетъ: многіе спорятъ, сами не зная о чемъ. Философы, богословы и подобные имъ спорятъ *о душѣ*, не понимая, о чемъ спорятъ: спору ихъ никто рѣшить не можетъ. Да и странно, какъ спорить о томъ, чего никакой умъ человѣчскій постичь не можетъ. Они берутъ на себя слишкомъ много.

Въ Вѣстникѣ М. Каченовскаго à peu près пишутъ, что Нѣмцы, претерпѣвши много неудачъ и не находя ничего (утѣшительнаго) на землѣ, бросились на небо и (тамъ) открыли двѣ планеты. Прямые Нѣмцы; какъ ни говори, а они смѣшны.

15 *Юля*. Мы нынче получили отъ брата А. И. письмо, и онъ пишетъ, что уже пріѣхалъ въ П[ете]рбургъ. Онъ ѣздилъ съ Новосильцовымъ къ арміи съ Государемъ.

Нынче день прехолодный. Вчера былъ я въ Сокольникахъ, гдѣ былъ обще-народный праздникъ по случаю мира. Все поле было усеяно народомъ, и изрѣдка были видны шатры, возвышенныя мѣста для

комедіи, гдѣ плясали по канату и проч., пѣли фабричныя, Цыгане, играла музыка. Картина прекрасная. Былъ дождикъ, но это ничего. Во время дождя я сталъ въ палатку, гдѣ были Тутолминъ, кажется, Мордвиновъ, начальникъ Моск[овской] милиціи, сенаторы: Дмитріевъ, Кугузовъ, Баграціонъ и проч. подобные имъ. Въ десятомъ часу зачали зажигать плошки. Одинъ полицейскій, подобный какому нибудь Алексѣю Алексѣичу, говорилъ Цыганамъ, которые не пѣли, между тѣмъ какъ мужики сего требовали: *Пойте для увеселенія публики*. Мнѣ это странно показалось. Потомъ начался фейеръ-веркъ. Я стоялъ на хорошемъ мѣстѣ. Подлѣ меня стояли три Нѣмки и съ ними, кажется, актеръ бывшаго Нѣмецкаго театра, Галтенгофъ, который хорошо поетъ, но не для меня. Одну изъ Нѣмокъ нѣсколько сдавили; она плакала и ушла въ коляску. Одна изъ нихъ молоденькая, очень изрядная собою и очень хорошо говоритъ по-русски, стояла подлѣ меня и по уходѣ благодарила меня за то, что я ее сберегалъ. Это спасло ее, что она изрядная собою, а то бы я столкнулъ ее, потому что она Нѣмка. Тутъ были православныя Русскіе мужички. Я ихъ просилъ не толкаться, только просилъ. Другой же дуракъ со шпагою ударилъ одного палкою. Это мнѣ показалось очень досадно.—Этотъ праздникъ былъ по большей части для народа. Нѣтъ ничего досаднѣе поганыхъ полицейскихъ, которые при полицеймейстерѣ Ивашкинѣ (очень учтивомъ и добромъ) говорятъ народу очень учтиво, но когда онъ отвернется, то и зачнутъ поталкивать да бить. О подлецы! Бить же народъ было запрещено. Фейерверкъ былъ прекрасный, очень превосходный. Еще были зажжены лагуны, т. е. смоленыя бочки, дымъ отъ которыхъ былъ пре-страшный. Жаль только, что для православныхъ не было ни пивца, ни винца, а то то ли бы было. Тутъ-то бы они порадовались.

Всего пріятнѣе картина многочисленнаго народа, которымъ все поле было усыяно. Тутъ я видѣлъ г. *Плетенева*, который славно пишетъ (т. е. почеркъ хорошъ) и дѣлаетъ разныя штуки перомъ. Я у него и сперва дома и въ Пансіонѣ учился и получилъ изъ его класса портретъ Вольтера, имъ перомъ сдѣланный.

6 *Августа*. Вотъ сколько протекло времени, въ которое я не бралъ въ руки своего *Бреда*. Причиною тому самъ не знаю что. Часть этого бездѣйствія проведена мною въ Княжевѣ. Я провелъ тамъ четыре дня не очень веселыхъ: былъ раза два или три у Воейкова, самаго ближняго сосѣда. Я знакомъ съ его сыномъ, съ которымъ учился въ Пансіонѣ. Этотъ Воейковъ надѣлалъ довольно шуму въ Пансіонѣ. Чѣмъ же, спросишь ты, Н. Т., можно надѣлать шуму въ Пансіонѣ? Очень, очень рѣдко, отвѣчаю я, или почти никогда, прилежаніемъ, и часто, очень часто, или почти всегда изряднымъ лицомъ. Вотъ пороѣ,

который всегда сопровождается съ общественнымъ воспитаніемъ, и которой имѣеть очень пагубное вліяніе на здоровье мальчиковъ, которые натурально, по молодости своей, не знаютъ, чѣмъ они жертвуютъ минутному, менѣе нежели скотскому наслажденію. Менѣе нежели скотскому, говорю я, потому что страсти въ сихъ несчастныхъ мальчикахъ еще ничего не могутъ произвести, между тѣмъ какъ скоты приступаютъ къ *сему* не прежде, какъ будучи побуждаемы самою природою. Я не говорю здѣсь объ этомъ Воейковъ, но вообще о всѣхъ несчастныхъ жертвахъ, которыхъ незнающіе родители ввѣряютъ таковому общественному воспитанію, каковъ сей Пансіонъ. Нѣкоторые, имѣющіе состояніе, дабы воспитывать дѣтей своихъ дома, думаютъ (совсѣмъ несправедливо), что въ Пансіонѣ можно лучше быть воспитану. *Пить!* они ошибаются и очень грубымъ образомъ. Надобно войти во всѣ подробности сего общественнаго воспитанія. Какъ можно оставлять мальчика лѣтъ 12 или и болѣе на его произволь? (Конечно на его произволь, потому что въ Пансіонѣ ни къ чему принудить не можно). И какъ полагаться на надзираніе какого-нибудь Нѣмца (Фрейденрейхъ), который получаетъ за надзираніе 50 или 60 и который обучаетъ сверхъ того каждый день за 200 или 150 руб., или университетскаго студента, каковъ Алек. Загорскій, которой только что читаетъ по-русски; какъ, говорю, полагаться на надзираніе такого невѣжды, какъ ввѣрять невинныхъ младенцевъ такимъ необразованнымъ людямъ? О несчастныя жертвы! Я произнесъ сіи слова, и сердечный вздохъ невольно вылетѣлъ изъ глубины моего сердца. Я самъ былъ лѣтъ 8 въ семъ Пансіонѣ, но не [въ] таковомъ положеніи, я былъ полу-пансіонеромъ, это совсѣмъ не то. Самъ видѣлъ несчастныхъ, которые надолго загубили себя. Всѣхъ бы (начальника Антонскаго и надзирателей) не жалко перевѣшать. Начальникомъ тутъ давно уже Антонскій, профессоръ энциклопедіи—этого довольно, чтобъ дать понятіе о его познаніяхъ.

Матушка пишетъ изъ Петербурга, что дѣло ся съ И. В. Лопухинымъ ведѣно разобрать въ общемъ Петерб. Сената собраніи. Вотъ загадка этотъ И. В. Такой рѣдкой человѣкъ и какъ себя замарываетъ въ мысляхъ благомыслящихъ людей. Я не говорю—*всѣхъ* людей, потому что злословіе коварныхъ пустомелей кромѣ чести ничего произвести не можетъ.

19 Августа. Поѣхалъ я сегодня въ Донской монастырь посмотрѣть ходъ. Сергѣй уговорилъ меня. Слышалъ проповѣдь архимандрита Виктора, которой говорилъ, что не въ наружности состоитъ почитаніе иконъ, но во внутренности, что Тихвинская, Казанская, Донская и проч. всѣ равны. Но Матрена Павловна Салтыкова, 80 лѣтняя ста-

руха, осердилась на него. зачѣмъ онъ со всѣхъ сторонъ монастырскаго собора велѣлъ нарисовать Донскую Богородицу, а не различныхъ. Эту старушенку и нынче и въ Успеньевъ день въ соборѣ видѣлъ я уже согбенную и насилу таскающуюся, но разбѣленную и разрумяненную и имѣющую лице синее. Говорятъ, что она все свое имѣніе употребила на украшеніе церкви, что не совсѣмъ полезно. Она не пропускаетъ ни одного церковнаго праздника, гдѣ бы ни была, и лакеи ея, столь же старые, но въ ливреяхъ еще древнѣйшихъ, ходятъ по церкви и почитаютъ себя людьми надобными, подобно какъ ходятъ глупые дьяконы, которые, крича во все горло, думаютъ, что они столь же велики, какъ бы и Бонапарте. А. А. Антонскій отозвалъ насъ обѣдать къ брату своему Виктору, что мы (или по крайней мѣрѣ... въ точности исполнили. За обѣдомъ 8 разъ пили здоровье Шампанскимъ (но жаль, что не по полной рюмкѣ), при пѣніи синодальными пѣвчими многолѣтія. Послѣ обѣда, когда на ланитахъ святыхъ отцевъ заигралъ живѣйшій (и вмѣстѣ очень яркій) румянецъ, преосвященный Августинъ, Московскій викарій (съ котораго, какъ говорятъ, Владимиръ, сынъ нашего Каменскаго, взялъ сколько-то сотъ за то, что старался о брилліантовой панагіи, которую ему прислали) пошелъ со всѣми въ садъ, гдѣ посреди высокихъ липъ, пьяныхъ монашескихъ Харитона Чеботарева лицъ и бон-мо оберъ-секретаря Сандунова, приносилъ чистѣйшую жертву Бахусу прекраснымъ пуншемъ, пивомъ и Венгерскимъ. Моисей, ректоръ Академіи, во цвѣтѣ лица своего, очень много вралъ и, между прочимъ, не будучи со мною знакомъ, звалъ меня къ себѣ. Августинъ тоже звалъ когда-нибудь на вечеръ. Антипъ, ключарь Успенскаго собора, набивалъ бездонные карманы поповскіе грушами. Племянникъ Платоновъ, протопопъ, вралъ не менѣе другихъ, но только мнѣ на ухо.

Брату Александру Ивановичу хочется непремѣнно, чтобы я ѣхалъ въ чужіе края и въ особенности въ Гёттингенъ. Не знаю, что онъ въ этомъ находитъ для меня полезнаго. Ежели судить по себѣ, то: *не встѣмъ старцамъ во шумнѣхъ бытъ*. Мой планъ ѣхать лѣтъ на 5 по бѣлу свѣту потаскаться, удовлетворить любопытству, имѣть отъ того пріятныя для сердца воспоминанія и сказать: я былъ въ Китаѣ, Америкѣ, Лондонѣ и Парижѣ. Болѣе ни на что не претендую.

*

8 Сентября (1807) я началъ ходить въ Университетъ на лекціи и чувствую ихъ пользу.

Почти всѣ лекціи преподаются въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ мы вѣ-
 когда жили *). Это производило во мнѣ разныя впечатлѣнія. Потомъ

*) Т. е. когда ихъ отецъ былъ директоромъ Московскаго Университета. П. Б.

скажу, что нынче былъ я въ Университетѣ, въ годовомъ собраніи общества испытателей природы. Предсѣдателемъ тутъ гр. Ал. Кирил. Разумовскій. И удивительно, что онъ ничего не говорилъ въ продолженіи сего собранія. Какъ президенту, надобно бы ему было сказать какую-нибудь рѣчь. Секретарь сего общества, г. Дружининъ (директоръ народныхъ училищъ) говорилъ, что они дѣлали, кто у нихъ членами, и между прочимъ жаловался, что у нихъ въ собраніи нѣтъ денегъ. но что, прибавилъ онъ, г. г. члены сдѣлаютъ вспоможеніе. Какая подлость и, что называется, не *у мѣста* (*déplacé*)! Послѣ многихъ Французскихъ рѣчей, г. *Каризинъ* (тоже членъ) говорилъ рѣчь на Русскомъ. Каменскому (сыну) она понравилась. но мнѣ и *Буринскому* нѣтъ.

Въ рѣчи сей нѣтъ, во первыхъ, связи и предметъ очень обыкновененъ. (Онъ говорилъ, что у насъ мало своего, но что все иностранное; критиковалъ Русскихъ, какъ и всѣ другіе, т. е. что ѣздя въ чужіе края расточать имѣніе и проч.). Строкъ десять прочиталъ онъ объ окаменѣlostяхъ, которыя собралъ около Москвы. Но предисловіе, или лучше сказать, критика его была почти на двухъ страницахъ. Впрочемъ гладко написано и довольно изрядно. Мѣсты же его были очень не у мѣста; произношеніе тоже не хорошо. Графскіе музыканты и пѣвчіе дурно играли роли свои; но что касается до *Перовскаго* (побочнаго сына графа, который сдѣланъ студентомъ), то онъ игралъ *роль свою* превосходно: т. е. роль дурака!

Нынче же прислали кресты А. А. Антонскому, Керестури, и Политковскому—Анны 2-й, а *Страхову*, который *былъ* ректоромъ. Анны 2-й съ браліантами. Антонскій отмѣнно радъ, и Керестури. говорятъ, тоже. Завидные люди (не по кресту, а потому что радуются).

27 Сентября. Я еще не писалъ въ *моемъ Бредѣ* *) о настоящемъ моемъ бредѣ, т. е. о философіи, которою я теперь занимаюсь. Будучи въ Пансіонѣ, думалъ я. что надобно знать только одни языки, и что тотъ ученый человекъ, кто знаетъ къ тому Исторію и Географію: но теперь думаю, что ученіе пансіонское не заключаетъ въ себѣ всего нужнаго.

— Le but de la Philosophie est de connoître les lois de penser et d'agir.

Вотъ какъ у насъ пописываютъ; но вопросъ, такъ ли понимаютъ? Отвѣтъ коротокъ. не поспучай выслушать: *нѣтъ!*

Космополитъ значить *Weltbürger*. Нѣкоторые ученые почитаютъ себя и почитаемы космополитами, какъ мнѣ помнится.

*) Такъ называлъ Тургеневъ свою записную книжку. II. Б.

O ciel! que de vertus vous me faites haïr. *Corneille*. Это сказала Ninon de Lenclos, славная въ свое время и въ своемъ родѣ, одному маркизу, которой старался ей себя выхвалять. Извѣстенъ трагическій конецъ побочнаго сына ея. Онъ воспитывался не у матери и лѣтъ 20-ти былъ представленъ ей какъ молодой человекъ просто. Онъ по несчастію въ нее влюбился, открылся—и застрѣлился, узнавъ отъ нея, что она его мать. Она очень огорчилась. Братъ Ал(ександръ) Ив(ановичъ) между прочими картинами подарилъ намъ и ея портретъ, въ которомъ много правильнаго, хорошаго, но не милого.

4 Октября. Въ письмахъ чувствительнаго философа нашелъ я довольно изряднаго. Книга эта очень бы понравилась тому, кто не читалъ еще книгъ въ этомъ родѣ. Съ удовольствіемъ прочиталъ бы ее года за два передъ симъ. Въ одномъ письмѣ нашелъ я выраженіе сего философа, представляюще гордыхъ людей: *ils rampent avec orgueil sur la surface de la terre*. Оно мнѣ понравилось; понравилось—и внесено въ Бредъ. Однажды случилось, что сей философъ доказалъ за столомъ у графа (у коего онъ жилъ учителемъ для сына) одному молодому безбожнику, доказалъ существованіе Бога, представляя Его хозяиномъ дома, въ которомъ всѣ ѣли и пили лучшее, не зная, кто ихъ кормить. Стара шутка, сказалъ я самъ себѣ. Это еще я у Снѣгирева слышалъ (когда онъ училъ катехизису). Письма кончаются тѣмъ: сей философъ Montendre, сообщаетъ другу своему Saint-Tieu, котораго сестра идетъ за него по любви, что узналъ въ графѣ своего отца, а графъ узналъ въ немъ сына, въ существованіи котораго онъ отчаявался болѣе 20 лѣтъ.

Невольники (рабы) всѣхъ возрастовъ и націй составляли важный предметъ торговли во всей Греціи. Жадные торгаша (négociants) выставляютъ ихъ, какъ негодный товаръ, на площадяхъ; и когда является покупатель, то они заставляютъ ихъ плясать, дабы можно было судить о ихъ силѣ и проворствѣ. Когда рабы не исполняютъ своихъ обязанностей, то господа ихъ могутъ и сковывать, осуждать вертѣть камень (meule)¹⁾ на мельницѣ, запрещать имъ жениться или развести съ женами, но не имѣютъ власти надъ ихъ жизнію; когда съ ними поступаютъ жестоко, то заставляютъ ихъ бѣгать или, по крайней мѣрѣ, имѣть убѣжище въ храмѣ Тезея. Въ семъ послѣднемъ случаѣ они требуютъ перейти въ услуженіе къ другому господину, менѣ жестокому, иногда (успѣваютъ) имъ удается избавиться отъ ига тиранства, кот(орое) во зло употребляло ихъ слабость.

(У насъ и этого нѣтъ!).

Невольники должны были брить свои головы, но они покрывали ихъ (колпаками, шапками. bonnets). Ихъ одежда должна была прости-

¹⁾ На поляхъ рукописи къ этому слову прибавлено: „meule—точный брусъ“.

ратся только до колѣнъ, но многіе изъ гражданъ носили также. Запрещено, подь опасеніемъ очень великихъ наказаній, бить¹⁾ чужихъ невольниковъ (не своихъ), ибо всякое насиліе есть преступленіе противъ государства и пр.

(Также и этого у насъ нѣтъ).

Когда рабъ отпущенъ на волю, то онъ не переходитъ въ классъ гражданъ, но въ классъ водворившихся (*domiciliés*, водворенныхъ), кот(орый) приближается къ сему послѣднему—свободою, а къ классу рабовъ—малымъ уваженіемъ, кот(орымъ) оный пользуется.

Вчера мнѣ одинъ хозяинъ корчмы, Русской купецъ, слишкомъ много нагрубилъ: я его за это очень изрядно и побилъ.

20 Июня. Я въ Петербургѣ! Какая переменна въ моей Бѣлой Книгѣ! Ровно другую недѣлю я живу здѣсь. Признаюсь, что съ Москвой разстался я не равнодушно. Со многими не хотѣлось разставаться. Но такъ и быть! Я выѣхалъ за заставу, вздохнулъ и сказалъ Москвѣ: прости—и можетъ быть на вѣки!²⁾ Я очень любовался окрестностями Москвы и Петровскаго дворца, наслаждался свѣжимъ воздухомъ и дышалъ хотя и свободно, но все оборачивался къ Москвѣ и заочно прощался съ милыми сердцу моему. Приѣхавши въ Клинь, выпилъ въ трактирѣ водки, поѣлъ и опять поѣхалъ. Въ Твери написалъ письмо къ матушкѣ, которое она и получила. Тутъ догналъ меня Вельяминовъ, тотъ плаксивый мальчишка, надъ кот[орымъ] баронъ Швенгфельдъ смѣялся въ Пансіонѣ и кот[орый] былъ всегда предметомъ моей жалости и нѣкот[орого] презрѣнія. Я и въ семъ случаѣ не переѣмнилъ чувствъ своихъ. Онъ, можетъ быть, думалъ, что я прежде поклонюсь ему, и для того не кланялся мнѣ. Я думалъ иначе.—и такимъ образомъ мы ѣхали верстъ съ 200 вмѣстѣ, вмѣстѣ останавливались, но не говорили ни слова другъ съ другомъ. Поѣхавши изъ Твери ночью, я заснулъ и потерялъ свою шапочку и платокъ, въ ней бывшій. Проснувшись, я просилъ Василія сбѣгать назадъ и поискать. Между тѣмъ я остановился. Темная ночь, маленькой осенній дождикъ (который) моросить, лошади, ходящія въ лѣсу съ заунывными колокольчиками, шумъ вѣтра, вѣющаго между листьевъ.—все это располагало душу мою къ мечтамъ печальнымъ. Двѣ станціи принужденъ я былъ ѣхать безъ картуза и за цѣлую дорогу безъ платка. Въ Торжкѣ же Василій

¹⁾ На поляхъ прибавлено: „infiger опредѣлить наказаніе“.

²⁾ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, будучи на пять лѣтъ старше брата Николая и на восемь Сергѣя, руководилъ ихъ судьбами. Онъ учился въ Геттингенѣ и настоялъ чтобы братья туда ѣхали: самъ же онъ уже состоялъ на службѣ при Новосильцовѣ, съ которымъ ѣздивъ на войну 1807 года, кончившуюся Тильзитомъ. Тамъ, вѣроятно, узналъ его императоръ Александръ Павловичъ, при которомъ потомъ Тургеневъ имѣлъ значеніе въ Петербургскомъ служебномъ мирѣ. П. Б.

купилъ мнѣ картузь, кот[орый] покрывалъ вмѣстѣлище ума и вкуса до самаго П.бурга.

*

Ромши. Полночь. Приѣхавши сюда, я узналъ¹⁾, что здѣсь скончался императоръ Петръ III-й. Мы (т. е. съ г. Куницынымъ) съ товарищами. г. Воронковскимъ. Чижевымъ и Соловьевымъ пошли ко дворцу, который показался намъ великолѣпнымъ и со вкусомъ построеннымъ. Посмотрѣвши немного на дворецъ, пошли въ садъ. Тутъ попался намъ садовникъ, Англичанинъ, который, спросивши мою фамилію, куда ѣдемъ, повелъ насъ по саду. Садъ очень хорошъ, особливо понравилось мнѣ множество каскадъ: они, сливаясь съ другими, составляютъ прозрачные ключи, которые разливаются по прекрасному лугу. Я сказалъ садовнику, что одинъ изъ прудовъ не чистъ²⁾. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что прудъ очень чистъ. Послѣ я узналъ мою ошибку, когда товарищи сказали мнѣ, что видимая мною тина было дно. Поблагодаривши добраго Англичанина, мы возвратились на ночлегъ въ *харчевню*, гдѣ поужинали. Товарищи мои ушли спать. Я же сижу одинъ и пишу, все вокругъ меня тихо, кромѣ того, что г-нъ харчевникъ довольно сильно храпитъ.

Не безъ горести разстался я съ любезнымъ моимъ братомъ-благодѣтелемъ. Чтò писать объ этомъ? Надобно только чувствовать.

Въ Стрѣльнѣ (былъ у меня, а я у него) видѣлъ любезнаго Воейкова въ солдатскомъ халатѣ и такой же шапкѣ. Также видѣлъ и Тарховыхъ. Они все служатъ въ Конной Гвардіи. Любезный теска подарилъ мнѣ на память 24 пули кот[орыя] нужны для пистолетовъ, подаренныхъ Д. Н. Блудовымъ. Я же ему обѣщалъ прислать изъ Риги кур[ительнаго] табаку.

За Стрѣльную выѣхалъ съ Д. Г. Соколовичемъ, А. Ѳ. Владиславлевымъ и Постниковымъ (этотъ изъ Пед. Инст.). Выпивши у заставы двѣ бутылки вина, давши солдатамъ конногвард. на водку, мы выѣхали и остановились на лугу, гдѣ выпивъ, кажется, Шампанскаго или Цимл., Владиславлевъ вырѣзалъ на соснѣ: *Тур.* Я для памяти подарилъ Сокол. пенковую мою трубку, и этотъ добрѣйшій человекъ всунулъ мнѣ въ руку свои часы, подаренные ему его братомъ, и кот[орые] ему самому были очень нужны. И наконецъ, не хотѣвши ихъ брать назадъ, я насильно ему отдалъ.

Во время дороги примѣтилъ, что я забывался отъ того, что не спалъ. Сажу въ телѣгѣ и дѣлаю чертъ знаетъ что: начну какъ будто хлѣбать что нибудь изъ чашки, хочу взять хлѣбъ и вижу, что тащу

¹⁾ Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано: „вспомнилъ“.

²⁾ Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано: „види на немъ тину“.

за телѣгу. Василій смѣется; я опомнюсь, между тѣмъ какъ не сплю и вижу, что совсѣмъ не то дѣлаю, что думаю дѣлать. Къ тому же мнѣ сказывали, что одинъ лакей, не спавши шестеро сутокъ, сошелъ съ ума: вмѣсто того, чтобы сѣсть на запятки, онъ бросился бѣжать. Это очень вѣроятно, и я увѣренъ, что человѣкъ, не спя долгое время, можетъ потерять память и рассунокъ и проч. Въ Вышнемъ Волочкѣ видѣлъ князя Богратиона и на немъ звѣзды.

28 *Июня. Корчма въ 60 верстахъ отъ Рши.* Ночь. Приѣхавши сюда, выпили мы водки, купили у молодой Латышской дѣвушки земляники, такъ искусно завернутой въ корѣ, что ягоды совсѣмъ не измялись. Она, когда мы купили въ первый разъ, не хотѣла отдавать ягодъ, прежде нежели ей отданы будутъ деньги. Это замѣчательно. Потомъ поѣли ветчины, наплись чаю, напоили имъ и извощиковъ: товарищи пошли спать, я остался и сижу теперь въ тишинѣ. Сегодня по утру проѣхали мы городъ *Волмеры* (Wolmar), кот(орый) кажется похуже Валокъ. зашли въ хлѣбную за хлѣбомъ, потомъ въ трактиръ выпить водки, кот(орой) рюмка стоитъ 5 коп. За такую же рюмку по дорогѣ отъ Москвы до П.-бурга платилъ я 20 коп. Въ этой и вообще во всѣхъ корчмахъ и трактирахъ воздухъ одинаковъ и непріятенъ, вѣроятно отъ табаку. Теперь уже рѣдко встрѣчаются намъ Чухонцы, у кот(орыхъ) кажется на лицѣ напечатлѣны *рабство*¹⁾ и слишкомъ великая простота. Латыши гораздо лучше ихъ одѣваются, особливо женщины: всѣ въ бѣлыхъ платкахъ, и многія въ шляпахъ. Физиономіи сихъ послѣднихъ гораздо лучше Чухонцевъ. Мы думали, что такое различіе въ двухъ сосѣднихъ народахъ происходитъ отъ какой-нибудь важной причины, какъ-то: отъ состоянія ихъ, управленія помѣщиковъ и проч. Но мнѣ сказывали, что они одинаковы въ ихъ состояніяхъ, но что все это зависитъ отъ обыкновенія. Когда между Латышами увидишь Чухонца, то разница эта такъ сказать бросается въ глаза очень чувствительно.

20-го *Июля.* Вотъ уже третій день, какъ мы покойны, т. е. что мы нашли себѣ попутчиковъ²⁾, какихъ-то Тильзитскихъ женщинъ и дѣвушку, кот(орая) каждый годъ по нѣскольку разъ приѣзжаютъ въ Ригу для продажи товаровъ. Этою находкою обязаны мы г. Гебгарту, секретарю здѣшняго ратгауза, котораго рекомендовала намъ хозяйка наша, м-me Sivart, также женщина добрая и очень словоохотливая. Она рассказывала мнѣ о раненыхъ солдатахъ, которые пришли въ Ригу въ бытность здѣсь Государя. Также она сказывала мнѣ, что здѣсь можно видѣть кнуты, которыми били, выгоняя изъ города католицкихъ

¹⁾ Въ рукописи къ этому слову въ концѣ страницы сдѣлана приписка: „взоръ“.

²⁾ Въ рукописи исправлено: „попутчицъ“.

поповъ, которые ловили на улицахъ дѣвокъ, приводили ихъ къ себѣ и по прошествіи года или болѣе и менѣе зарывали ихъ живыхъ въ землю. Это открылъ старикъ, нечаянно зашедшій ночевать въ церковь и видѣвшій такое погребеніе одной несчастной; за это-то ихъ и выгнали.

Но по наступленіи ночи стало что-то грустно. Я много думалъ о своемъ состояніи настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, о братѣ Андреѣ Ивановичѣ, и все это окончилось слезами. Мнѣ пришла въ то время мысль, что человѣкъ тогда только не несчастливъ, когда онъ забывается, не думаетъ о себѣ. Я въ то время былъ въ состояніи чертъ знаетъ что написать къ брату Ал. Ив.

Вчера мои Нѣмки пѣли мнѣ пѣсню, кот(орую) сочинила жена короля Прусскаго Фредерика II (она была рыжая). Король ея не любилъ и никогда съ нею не жилъ, но пріѣзжалъ иногда къ ней, кажется, въ Шарлотенбургъ. Однажды, когда онъ пріѣхалъ, то сочиненную ею пѣсню заставила пѣть пѣвчихъ подлѣ саду, гдѣ ходилъ 'король (голосъ очень хорошъ). Король слышалъ, но не перемѣнился; королева заплакала и, уходя изъ саду, еще пропѣла что-то. Нѣмки сказывали мнѣ, что и король плакалъ, но я имъ не повѣрилъ. Хотя Нѣмки всѣ пѣсни пѣли мнѣ очень смѣшно, и эту также, но голосъ этой очень хорошъ.

Геттингенъ. 19 (31) Августа. Среда. Сегодня въ 4 утра пріѣхали въ Геттингенъ; въ 7 или 8 часовъ стали въ трактиръ. Мальчики, кот(орые) тотчасъ по нашемъ пріѣздѣ явились къ намъ съ услугами въ разсужденіи квартиры, кот(орую) мнѣ и показали. (Притомъ еще они сказали, что ихъ послали Русскіе студенты къ намъ, между тѣмъ какъ ихъ никто не посылалъ). Но какъ бы то ни было, они показали намъ квартиру. Когда я пришелъ въ другой разъ посмотрѣть комнаты, то хозяйка, посмотрѣвши на меня, сказала своему мужу, что я похожъ на г. Тургенева. Отгадала, отгадала! Братъ во все время своего пребыванія въ Геттингенѣ жилъ въ этомъ домѣ, только въ верхнемъ этажѣ. А въ этой комнатѣ, гдѣ я живу и въ той, гдѣ живетъ г. Куницинъ, жилъ А. М. Тургеневъ (*der Herr Rittmeister von Turgenew*).

Вчера ввечеру былъ я у Р. Ѡ. Тимковскаго. Отъ него пошелъ домой и по прошествіи нѣкотораго времени смотрѣлъ на церемонію, составленную для случая выбора новаго проректора. У насъ діаконы провозглашаютъ: *Рождество Твое, Христе, Боже нашъ*; а здѣсь какой нибудь Герень будетъ разсказывать дѣянія Александра Великаго, критикуя ихъ своимъ образомъ, и будетъ врать про Французскую революцію и вмѣстѣ говорить свои Нѣмецкіе бон-мо. Какая разница! Право, лучше бы теперь послушать первое, нежели второе. Желалъ (бы)

побывать теперь въ Москвѣ. Здѣсь и въ новый годъ (большой праздникъ у Нѣмцовъ) ничто не веселилось; только, кажется, перестали шить сапоги и дѣлать колбасы и сосиски.

Я теперь въ безпокойствѣ, въ разсужденіи моего векселя, который пропалъ и вѣроятно, что не найдется, и 500 р. для меня потеряны. Бездѣлица, а теперь мнѣ очень нужная, и эта бездѣлица причиною моего безпокойства. Я боюсь и вспомнить о томъ щастливомъ днѣ, въ который долженъ буду оставить Геттингенъ. Всю скуку я предвидѣлъ, и сердце мое не обманулось въ предчувствіи.

Сегодня читалъ съ Рандомъ *Негры въ неволѣ*, соч(иненіе) Коцебу. Это чтеніе, хотя и пріятное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, возродило во мнѣ чрезвычайно непріятныя мысли. О Россія, Россія! Если бы жизнь моя могла быть въ семъ случаѣ полезна славному, доброму Русскому народу, сей часъ радъ бы пожертвовать оною тысячу разъ!

Бьетъ 10 часовъ ночи. Все тихо, но сердце мое сильно бьется и напоминаетъ мнѣ, что я въ Геттингенѣ. Проклятый городъ! Когда буду я внѣ стѣнъ твоихъ? Когда буду свободно дышать воздухомъ Русскимъ, роднымъ. Дышать свободно можно, кажется, только въ Россіи. При этомъ имени невольный вздохъ вылетаетъ изъ моего сердца, угнетѣннаго всѣмъ чужимъ. Самая природа здѣсь для меня мачиха; и солнце не такъ тепло, не такъ красно, и люди не тѣ. Да откроется предо мною непроницаемое таинство, и да узнаю, отъ чего истинно происходитъ это сладчайшее чувство любви ко всему родному. Чѣмъ далѣе удаляюсь отъ Отечества, тѣмъ ближе сердце мое дѣлается къ нему*).

На сихъ дняхъ получилъ отъ бр(ата) А(лександра) И(вановича) 500 по 12 и $\frac{5}{8}$ шил. Спасибо ему! Но какой дурной курсъ! За 500 р. получилъ я 180 тал. Не знаю, какъ расплатиться съ долгами. А ужъ живу очень экономно. Черезъ 17 дней начнется 1810 въ Россіи. Ниспошлетъ ли Провидѣніе благословеніе свое на Россію и загладитъ ли 1810 г. прошедшіе? Духъ разума и славы. осыни Россію крыломъ своимъ и дай Александру сдѣлаться тѣмъ Александромъ, какимъ онъ былъ за 4 года!

Курсъ нашъ 11 съ чѣмъ-то шил. Хорошо! Что-то будетъ въ передъ.

А ты, Россія, воспрями вновь съ новымъ годомъ и затѣми блескомъ своимъ всѣ царства земныя! Явись въ прежнемъ сіяніи своемъ, величественномъ и благодѣтельномъ для вѣрныхъ сыновъ твоихъ. Или собери сихъ послѣднихъ и ступай карать нарушителей твоего бла-

*) Судьба велѣла П. И. Тургеневу почти всю жизнь провести на чужбинѣ; за то до конца неуклонно оставался онъ челоѣкомъ Русскимъ, съ твердымъ разсудкомъ и широкою душою. П. Ё.

женства. Потомъ стряси съ себя тяжелое бремя, бремя рабства и явился какъ восходящее солнце, въ полномъ сіяніи славы и разума!

Прошлаго Воскресенья пріѣхалъ Сергій, и пустыня моя обновилась. Я много спрашивалъ его о Россіи и изъ всего вижу, что все у насъ находится въ безпечной дремотѣ, все унижено и унизилось, и все въ страшнѣйшемъ и страннѣйшемъ безпорядкѣ.

25 Августа (6 Сент.). Вторникъ. Кажется въ Субботу, записавшись у проректора Эйхгорна. пошелъ я къ Шлецеру. Прихожу, доложили. Я немного подождалъ. Выходитъ почтенный старикъ. Взялъ у меня письмо, попросилъ садиться. взялъ для себя стулъ, я тоже сдѣлалъ. Сѣвши онъ началъ разсматривать печать на пакетѣ и сказалъ, что это кажется ему быть отъ одного изъ знакомыхъ его Русскихъ; я отвѣчалъ ему, что я братъ того Тургенева, кот[орый] имѣлъ честь и проч. *Tausend Mahl* (такъ какъ-то), вскричалъ съ удивленіемъ Шлецеръ: *Sie sind doch der Bruder von meinem theueren intimen Freund N. v. Turgenew?* Началъ со мною очень ласково говорить и просилъ чаще къ себѣ ходить. Прощаясь сказалъ: *au revoir* и проводилъ до сѣней. Онъ далъ мнѣ каталогъ лекцій; но на другой день прислалъ другой и приказалъ сказать, что первый, кот[орый] онъ далъ,—прошлаго года. На второмъ сдѣлалъ самъ подпись по-русски. Когда я записался у проректора, то онъ сперва сказалъ, что надобно заплатить 3 тал. съ чѣмъ-то. Потомъ же, узнавши, что дворянинъ, сказалъ, что надобно заплатить 6 съ чѣмъ-то. Потомъ, когда прислалъ съ матрикедемъ педеля, то педель сказалъ, что надобно заплатить 8 съ чѣмъ-то. Вотъ каково быть здѣсь дворяниномъ.

Въ прошедшій Вторникъ, позавтракавши хорошо у Коха, въ 11 ч. утра сѣли мы съ Н. И. Бутырскимъ въ почтовую коляску и поѣхали въ Эрфуртъ*) по (экстра-почтѣ).

*) Отъ поѣздки въ Эрфуртъ сохранился листокъ, исписанный карандашомъ и приклеенный къ полямъ рукописи около этого мѣста (86 листъ). Содержаніе его слѣдующее: 5 Окт. Среда. Эрфуртъ. Не даромъ пріѣзжали мы сюда. Сюда пріѣхали мы часовъ въ 11 утра сегодня и стали въ трактирѣ. За большую комнату платимъ 2 тал. Сейчасъ пришли изъ-за города. Тамъ видѣли нашего Императора и Французскаго: хорошо разсмотрѣли. Они смотрѣли Французскій полкъ: пальба была славная. Подъ Фр[анцузскимъ] Имп[ераторомъ] лошадь показалась мнѣ очень простою, но она скакала по полю прытче всѣхъ. Нашего вел. князя также давеча по утру видѣлъ, а на смотрѣ не видѣли. Имп[ераторъ] Фр[анцузскій] сперва сѣлъ въ карету у своего крыльца, поѣхалъ прежде къ брату своему, Вестфальскому королю, оттуда еще куда-то, а потомъ и къ нашему Императору. Оттуда поѣхали вмѣстѣ верхами. Солдаты [кричали] по окончаніи смотра: *vive l'Empereur!* Фр[анцузскій] Имп[ераторъ] одѣтъ былъ очень просто: мундиръ безъ штыля. шляпа маленькая безъ пера и проч. 7 Октября. Пятница. Послѣ обѣда. Вчера было намъ довольно скучно цѣлые послѣ обѣда, потому что оба Императора отсюда уѣхали въ Веймаръ для охоты. Сказываютъ, что пріѣдутъ завтра. Сегодня былъ въ Августин-

1808 (въ Эрфуртѣ).

Въ трактирѣ сказали намъ, что послѣ обѣда оба Импер[атора] будутъ *смотреть* полкъ за городомъ. Мы пошли къ Наполеонову дому (гдѣ онъ живетъ, который называется (Gouvernements-Gebäude). Тутъ сказали намъ, что Имп[ераторъ] поѣдетъ скоро верхомъ. Мы остановились, ждали, видѣли какъ Императоръ выѣхалъ, но не верхомъ, а въ каретѣ. Онъ заѣхалъ къ какому-то королю, оттуда къ брату своему, королю Вестфальскому. оттуда еще куда-то и наконецъ къ нашему Императору. Народу довольно бѣгало за его каретой. У нашего Императора побылъ онъ съ полчаса или болѣе, и оттуда оба поѣхали верхомъ за городъ. Тутъ я довольно изрядно видѣлъ нашего и Франц[узскаго] Императоровъ. Подъ Наполеономъ была лошадь очень простая съ виду, съ хвостомъ; однакожь послѣ видѣлъ я, какъ прытко она скачетъ, и узналъ, что она Арабская. Полкъ стоялъ на полѣ. Императоры поѣхали туда. Мы сперва стали на валу, кот[орымъ] окруженъ городъ; тутъ много было народу, однакожь оттуда не хорошо видно было, потому что это было далеко. Мы пошли по большой дорогѣ туда, гдѣ все происходило и очень хорошо разсмотрѣли обоихъ Импер[аторовъ], когда они стояли на одномъ мѣстѣ, и полки пѣхотной и гусарской проходили мимо и салютовали имъ. Во время этого смотра была оружейная и пушечная пальба. Одинъ баталіонъ палилъ хорошо, а другой дурно; одинъ изъ капитановъ послѣдняго говорилъ мнѣ на другой день, что это происходило отъ того, что Импер[аторъ] (Фр[анцузскій]) былъ всегда передъ фрунтомъ, что солдаты смотрѣли на него и робѣли. По окончаніи смотра поѣхали Императ[оры] назадъ въ городъ. Я стоялъ на валу, и полкъ пѣхотный проходилъ мимо. На другой день, когда мы были еще въ постели, чистильщикъ сапоговъ или трактирный служитель сказалъ намъ, что Императоры ѣдутъ въ 10-ть часовъ на охоту въ Веймаръ, что туда идетъ очень много народу. Мы послали его поискать для насъ коляски; но это было, какъ всѣ они говорили, невозможно. Импер[аторы] уѣхали, и въ этотъ день послѣ обѣда было намъ очень скучно. Поутру пошелъ я къ гр. П. А. Толстому, узнавъ отъ фельд-егеря, гдѣ онъ живетъ. Онъ принялъ меня, кажется, ласково. Говорилъ, чтобы я пріѣзжалъ учиться въ Парижъ въ политехническую школу. звалъ меня обѣдать; я сказалъ, что ѣду въ Веймаръ. „Зачѣмъ?“ спросилъ онъ.—Чтобы видѣть Имп[ераторовъ], отвѣчалъ я. „Я ужъ на нихъ насмотрѣлся“, сказалъ мнѣ графъ. Много скомъ монастырѣ. Вчера поутру былъ у графа Толстаго: принялъ, кажется, хорошо. Говорилъ, чтобы я пріѣзжалъ учиться въ Парижъ; при прощаньи сказалъ, что *онъ мнѣ и въ Геттингенъ можетъ быть полезенъ*“.

честь вашему сіятельству, думалъ я. Потомъ сказалъ, что естъли я хочу видѣть хорошенько нашего Государя, то онъ возьметъ меня когда-нибудь съ собою и поставитъ меня во дворцѣ (или какъ это называть) въ комнатѣ, гдѣ я очень хорошо могу насмотрѣться на Государя. Я поблагодарилъ его и простился; онъ при прощаньи сказалъ мнѣ: „Я тебя и въ Геттингенъ могу быть полезенъ“. Я хотѣлъ было попросить у него рекомендательное письмо къ профессору Герену; но жаль, что послѣ не былъ уже у него. На другой день, т. е. въ Пятницу послѣ обѣда, пушечная пальба возвѣстила прїѣздъ Импер[аторовъ]. Мы были тогда на почтѣ и, услышавъ, тотчасъ пошли къ дому, гдѣ живетъ нашъ Импер[аторъ]. Черезъ нѣсколько времени прїѣхали Импер[аторы] въ открытой коляскѣ четверкою (Jagdwagen). Кучера хотѣли вѣхатъ въ ворота подъ домъ наш[его] Имп[ератора], но Его И. В. махнулъ рукою и Наполеону, чтобы остановились у воротъ. Однако передній кучеръ былъ уже почти въ воротахъ и не скоро могъ повернуть назадъ. Тутъ я разсмотрѣлъ очень хорошо Наполеона. Государь нашъ, ставши кажется на подножку, простался съ нимъ, потомъ когда Наполеонъ сталъ отъѣзжать, то я, оглянувшись, увидѣлъ неподалеку отъ себя нашего Императора, кот[орый] еще простился съ Наполеономъ. Потомъ проскакали 5 или 6 эскадроновъ кирасировъ, кот[орые] стоятъ на караулѣ у двухъ Императоровъ. Черезъ часъ или болѣе Государь нашъ поѣхалъ къ Фр[анцузскому] Имп[ератору] обѣдать, я въ это время также его видѣлъ. Потомъ видѣлъ Великаго Князя Константина Павловича, кот[орый] шелъ пѣшкомъ къ Фр[анцузскому] Имп[ератору]. На другой день я также его видѣлъ, когда онъ шелъ пѣшкомъ къ нашему Императору. Видѣлъ многихъ: Румянцева, А. Н. Голицына; кажется Н. А. Толстаго, Сперанскаго, о кот(оромъ) узналъ уже въ Геттингенѣ изъ письма братнина, видѣлъ одного въ генеральскомъ мундирѣ съ Александровской лентой и теперь догадываюсь, изъ газетъ, что это былъ графъ Аракчѣевъ. Видѣлъ Фр(анцузскаго) генерала Удино, какъ мнѣ сказали, и другихъ. Видѣлъ Саксонскаго короля, принца-примаса, оба старики. О послѣднемъ сказывали мнѣ, что его въ Эрфуртѣ народъ очень любитъ. Въ Субботу, въ половинѣ 2 часа выѣхали съ ординарною почтою изъ Эрфурта. Одинъ изъ пассажировъ, кажется, житель Эрфуртскій или Веймарскій, сказывалъ мнѣ, что въ Эрфуртѣ изъ одной церкви (всѣхъ святыхъ, Aller Heiligen), мимо кот(орой) мы проѣзжали, недѣли за четыре выгоняли чорта.

(21) 9 Ноября*). Понедѣльникъ. Въ прошедшій Вторникъ было здѣсь большое торжество по причинѣ дня рожденія Вестфальскаго

*) Въ датѣ ошибка: надо 28 Окт. (9 Ноября).

короля Ер.¹⁾ Наканунъ охриплый крикунъ запретилъ народу работать подъ опасеніемъ 5 талеровъ штрафа. Я ходилъ въ церковь. Она была полна Нѣмецкаго народа, кот(орый)²⁾ всегда и вездѣ останется Нѣмецкимъ народомъ. Нѣкоторые стояли въ шляпахъ; солдаты подлѣ алтаря въ шляпахъ, студенты съ собаками, пасторъ на колѣнахъ просилъ Бога о виспосланіи щастія Отцу Отечеству. Но Нѣмцы—чего не въ состояніи дѣлать эта шушера! Въ вечеру ратгаузъ, домъ Консиліума, префектуры и нѣкоторыхъ чиновниковъ были освѣщены. Въ ратгаузѣ горѣлъ щитъ, гдѣ былъ изображенъ бюстъ короля съ подписью, кажется *pater patriae*. Геній какой-то держалъ надъ его головой вѣнокъ.—Пониже, сказала я Ранду,—еще пониже. Оттуда пошелъ съ Данилевскимъ и Рандомъ въ ложу на хоры, въ залу къ Коху, гдѣ былъ балъ. Тутъ опять полюбовался просвѣщенными Нѣмцами. Танцовали, пили, ѣли, веселились. Нѣкоторые студенты Вестфальскіе франтили въ своихъ мундирахъ *de la garde*³⁾ *d'honneur*, кот(орые) носить право получили они за то, что подъ предводительствомъ здѣшняго берейтера и какого-то фабриканта они встрѣчали короля и провожали. О Нѣмцы! Понжераръ говорилъ Данилевскому во Вторникъ: *Aujourd'hui toute la canaille de Göttingue s'assemblera...* и что Нѣмцы не хотѣли праздновать рожденіе короля: *mais lorsqu'on leur promet du brandwein et un tonneau de bière*, то они...

Какъ восхищаются Геттингенскіе жители нашимъ праздникомъ! Да и подлинно, всѣ были и сыты и пьяны. Старый генералъ Лестокъ смѣшилъ меня. Естьлибъ я самъ былъ на веселѣ, то я бы не такъ замѣчалъ его проказы, но мнѣ некогда было веселиться такимъ образомъ: я веселился тѣмъ, что все идетъ порядочно и всѣ довольны. Праздникъ сталъ намъ около 550 талер. Мы не думали, чтобы было такъ много. Посторонніе полагаютъ, что гораздо болѣе.

18 (30) Октября. Воскресенье. Вечеръ. Вотъ уже прошелъ послѣдній день такъ называемыхъ *ферій*. Завтра начнетъ пр. Геренъ читать свои лекціи. Я немного приготовился по тетрадамъ *Ө. Я. Ранда* (кот(орья) мнѣ списываетъ Крамеръ); но все еще предвижу большую, очень большую трудность въ слушаніи лекцій и въ записываніи. Но съ помощію Божіею пристуцлю къ началу этого важнаго въ жизни моей подвига. Буду очень стараться и прилежать: въ этомъ даю себѣ честное слово. Съ начала очень, кажется, охотно я хочу приступать: не знаю, чтѣ будетъ впередъ, но почти увѣренъ, что пойдетъ дѣло изрядно, потому что въ Геттингенѣ, чтѣ дѣлать какъ не учиться?

¹⁾ Т. е. Иеронима, брата Наполеона I. П. Б.

²⁾ Въ рукописи послѣ этого слова сверху приписано „NB“.

³⁾ Въ рукописи: „garde“.

Авось, авось! Авось, можетъ быть, и мы чему-нибудь да научимся! Но вотъ что меня беспокоитъ: я буду учиться, прилежать, но надобно въ свое время имѣть и развлеченіе, а здѣсь я не предвижу себѣ никакого порядочнаго удовольствія: предвижу только послѣ трудовъ одну скуку. Не знаю, какъ пройдутъ эти два года.

19 (31) Окт. Понед. Сегодня послѣ обѣда слушалъ двѣ лекціи у Герена. Первая, о древней Исторіи, была для меня легче, потому что я приготовился по его Compendium, а вторая потому труднѣе, что въ тетрадахъ, кот(орыя) у меня списаны, нѣтъ вступленія, кот(орое) проходилъ Герень. Читаетъ хорошо и для меня понятно. Мѣсто имѣю я также хорошее, 6 №. По утру я занимался выписываніемъ различныхъ мѣстъ изъ Гено.

1809.

25 Декаб. 808. (6 Январ. 809). Сегодня у насъ на Руси праздникъ Рождества Христова. При этой мысли все мнѣ живо представляется. Наприм(ѣръ), въ Москвѣ почти каждый беретъ участіе въ праздникѣ. а поутру рано видны одни только лакеи, кот(орые) ѣздятъ съ визитными карточками. Рано всѣ идутъ къ обѣднѣ. Потомъ видно, что одѣтые въ праздничныя платья идутъ по улицамъ. Ходятъ въ гости другъ къ другу. Потомъ видны попы, монахи и монахини, кот(орые) катаются по улицамъ, когда ѣздятъ со крестами. Я конечно бы мало или совсѣмъ не веселился теперь тамъ на праздникѣ, но по крайней мѣрѣ можно радоваться, смотря на другихъ веселящихся; а здѣсь и этого-то удовольствія имѣть нельзя. Все мертво и уныло. Все произрастаетъ для собиранія денегъ и картофеля. У насъ теперь громогласные музыканты и играли: по обѣимъ сторонамъ шли съ факелами; въ серединѣ шли студенты по двое и по трое съ палками и трубками. Передъ домомъ проректора всѣ выстроились. Сперва закричалъ одинъ изъ студентовъ не знаю что-то. Потомъ вся толпа кричала (похоже на то, какъ бывало въ пансіонѣ ученики кричали или *укали*). Здѣсь вся толпа кричала, какъ мнѣ сказывали: *Hoch!*, разслушать нельзя было. Покричавши, они пошли назадъ къ какому-то Ейхгорну и другимъ. На улицѣ подлѣ нашей слышенъ былъ опять такой же крикъ— это значить, что они благодарятъ стараго проректора.

21 (2) Пятница. Одиннадцать часовъ ночи.—Какъ провелъ я день этотъ? По утру хотѣлъ итти къ проректору записаться, но не успѣлъ: Купилъ себѣ шляпу, палку. Послѣ обѣда ходилъ играть съ Воронковскимъ на биліардѣ. Потомъ ходилъ съ г. Бутырскимъ къ Англинскому учителю и записался у него (ходить къ нему всякой день по 1-му часу

за 6 тал. въ мѣсяць). Оттуда, когда шелъ домой, встрѣтился мнѣ А. И. Данилевскій¹⁾ и позвалъ меня къ себѣ. Въ 6 часовъ должно ему было идти къ Латинскому учителю. Такъ какъ и мнѣ онъ нуженъ, то мы пошли вмѣстѣ, и я уговорился пока ходить 3 раза въ недѣлю. Цѣны еще не знаю. Данилевскій и Wunderlich (Лат. учитель) не совѣтывали мнѣ учиться у Брауна (Англ. учит., у кот(ораго) я записался) и совѣтывали лучше учиться у *Бенеке*, и г. Wunderlich пошелъ уже просить сего послѣдняго. Не знаю, чѣмъ рѣшится. Не знаю, чѣмъ-то кончилъ Вейденгамеръ²⁾ (студентъ Моск(овскаго) университета) свой трудный нынѣшній подвигъ.

17 (29) *Сентября. Четвергъ.* Сегодня пошлю письмо въ Россію къ матушкѣ и брату, и будетъ—№ 4-й. Я писалъ къ нему все о теперешней своей скукѣ. Такой скуки я еще никогда съ собою не помню. Мнѣ кажется, что я здѣсь никакъ не могу прожить долго и принужденъ буду для избѣжанія этой несносной болѣзни возвратиться домой. Ахъ! при одномъ имени этомъ сейчасъ слезы полились изъ глазъ. Богъ знаетъ, что со мною будетъ; вотъ уже третій день, какъ я самъ себя не знаю и самъ себѣ не принадлежу: жестокая скука совершенно овладѣла мною.

21 *Января. (2) Февраля. Четвергъ.* Эту недѣлю я почти ничѣмъ не занимался; причиною этому безпокойство о векселѣ: досадно потерять, что называется *ни за что ни про что* 500 р., а особливо въ теперешнихъ обстоятельствахъ большаго моего кармана. Но я положилъ себѣ за правило не думать о поганныхъ деньгахъ. Дѣло-ста наживное! Тотъ не разбогатѣетъ, который присвоитъ себѣ мой вексель, а я не раззорюсь. Вотъ Русская нравственность.—Геттингенъ для меня скученъ, но мысль, что я когда нибудь уѣду отсюда, подкрѣпляетъ мое терпѣніе.

Сегодня сказывалъ мнѣ Вундерлихъ, что Франція объявила войну Австріи. Мысль эта, соединенная съ другими многими, сдѣлала меня на цѣлый вечеръ болѣе мрачнымъ и будетъ возбуждать во мнѣ другія, столь же непріятныя.

Россія! Россія! съ благоговѣніемъ и любовію произношу священное имя твое и оставляю въ сердцѣ моемъ таяться различнымъ чувствованіямъ. Еслибы незначущая жизнь моя могла содѣйствовать къ твоему благу—съ радостію пожертвовалъ бы ею. Тысячу разъ умеръ бы для моего отечества, для Россіи!!!

1) Это будущій историкъ Отечественной войны. П. Б.

2) Къ этимъ словамъ въ рукописи сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „Кончилъ удачно и ничего не получилъ; какъ онъ сказывалъ, что и самъ того ранилъ“.

Да носится Геній благотворительный надъ странами Русскими! И да будетъ Русской тѣмъ, чѣмъ благодѣтельная для него судьба назначила быть ему: да будетъ Русскимъ. Этого слова довольно.

1810.

Въ Субботу ходилъ я на поклонъ къ Струве, а потомъ и къ нашему попу, единственному порядочному человѣку въ Касселѣ, и завтракалъ у него Русскую водку и огурцы—славно, какъ Русскихъ кормятъ Рускіе! Но на другой день, въ Воскресенье, поѣхали мы къ обѣднѣ. Церковь наша мнѣ очень поправилась. При входѣ во храмъ невольно почувствовалъ я священное благоговѣніе къ *Божеству* и *Отечеству*; сердце мое забилось, и я изъ глубины души молился *первому о послѣднемъ*. Дьячки бѣдные грустны; въ Касселѣ имъ скучно: Русскихъ совѣтъ тамъ нѣтъ. Послѣ обѣдни мы пошли къ попу по его приглашенію и завтракали у него прекраснѣйшимъ Русскимъ образомъ. Никогда, думаю, здѣсь не ѣдалъ я съ такимъ аппетитомъ. Меня кормилъ Русской по-русски!

Непонятно, какъ эти журналисты и многіе другіе могли такимъ несправедливымъ образомъ нападать на Шишкова. Книга его подлинно имѣетъ большія достоинства; и предубѣжденіе злонамѣренныхъ и глупость *невинныхъ* его опровергателей должны быть очень велики. Впрочемъ я бы посоветовалъ господамъ журналистамъ поосторожнѣе и даже порѣже говорить о Ломоносовѣ, о которомъ каждой Русской долженъ говорить съ величайшимъ душевнымъ почитаніемъ. Можно разсуждать какъ хочешь свободно о Херасковѣ, иногда о Сумароковѣ и нѣкоторыхъ другихъ, но что касается до Ломоносова, то каждое слово о семъ необыкновенномъ человѣкѣ должно быть взвѣшено. Даже и Шишкова можно иногда почестъ вольнодумцемъ, когда онъ говоритъ о Ломоносовѣ.

